

Е.В. Семенищева
E.V.Semenishcheva

**ИСТОРИЯ КОРОТКОЙ ЖИЗНИ СЫНА
А.А. И М.М. ТУЧКОВЫХ НИКОЛАЯ
С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СИНХРОННЫХ
АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

**THE STORY OF THE SHORT LIFE
OF A. A. AND M. M. TUCHKOVY'S SON NICHOLAS
WITH USING SYNCHRONOUS ARCHIVAL SOURCES**

В статье рассматривается судьба единственного сына А.А. и М.М. Тучковых Николая, скончавшегося подростком. Автор рассматривает письма М.М. Тучковой и А.А. Аракчеева в связи с вопросом о зачислении Николая в Пажеский корпус. Выдвигает возможную причину кончины Н.А. Тучкова.

The article examines the destiny of the only son of A. A. and M. M. Tuchkovy Nicholas, who died as a teenager. The author examines the letters of M. M. Tuchkova and A. A. Arakcheev in connection with the question of enrolling Nikolas in the Corps of Pages and puts forward a possible reason of N. A. Tuchkov's death.

Ключевые слова: Николай Тучков, А. Аракчеев, М.М. Тучкова, Пажеский корпус, Дерптский университет, натуральная (коровья) оспа, вакцинация.

Keywords: Nikolay Tuchkov, A. A. Arakcheev, M. M. Tuchkova, Corps of Pages, University of Dorpat, smallpox (cowpox), vaccination.

В конце лета – начале осени 1816 года император Александр I путешествовал по Российским губерниям, наиболее разоренным войной. В поездке Его Величество сопровождал граф Алексей Андреевич Аракчеев. 3 сентября на пути из Тулы в Калугу на Алексинской переправе через реку Оку он был свидетелем встречи Государя с пятилетним Николаем Тучковым, который в сопровождении няни находился в толпе приветствовавших царя подданных. Мать ребенка Маргарита Михайловна Тучкова проживала в то время уединенно в деревне Верхнее

Ламоново в двадцати пяти верстах от Алексина. Вряд ли она отпустила бы от себя на такое расстояние свое обожаемое чадо. Скорее всего, Тучкова находилась где-то в городе, но на встречу с императором, избегая многолюдства, не отправилась. Однако обстоятельства заставили вдову бородинского героя нарушить затворничество. Тучкову разыскал Аракчеев, и вероятно по поручению Его Величества. Возможно общение Тучковой с Аракчеевым состоялось чуть раньше. Из содержания письма, которое цитируется ниже, это трудно определить.

Итак, через три дня после проезда Государя через Алексин, 6 сентября, с дороги Аракчеев писал Тучковой: «Просьба ваша исполнена мною прежде, нежели имел я честь получить письмо вашего Превосходительства. Непосредственно после личного общения с вами, Милостивая Государыня, я докладывал Государю Императору и Его Величество с удовольствием приказал сына вашего определить в Пажецкий корпус, увидев его между тем на Алексинской переправе. Для окончания сего дела нужно мне уведомление ваше об имени и летах его. Представить его в корпус зависеть будет от вас, когда достигнет он возраста, в который там должно продолжать науки, а между тем вы уже можете сшить ему Пажецкий мундир»¹.

Мы не можем с уверенностью говорить, что было вначале: Тучкова ли первая озаботилась будущим сына или граф Аракчеев надоумил ее задуматься об этом. Безусловно, одно, устная просьба вдовы должна была быть подкреплена письменным прошением.

«Не должен умолчать, что Государь Император с сожалением отзываться изволил, что Его Величество не имел удовольствия в проезде через Алексин видеть лично ваше Превосходительство, – продолжал в письме граф Аракчеев, а также обнадеживал, – Другая просьба ваша о пособии, с равным благоволением принята Государем Императором. Его Величество поручил мне просить вас, Милостивая Государыня, чтобы Вы письменно изъяснили нужды свои Его Величеству, и письмо ваше доставили ко мне, для представления на высочайшее усмотрение»². «Другая» просьба могла заключаться в получении пособия на строительство церкви на поле Бородинского сражения.

Маргарита Михайловна лишь 25 сентября ответила графу Аракчееву: «Благодарность моя за внимание, обращенное вами на просьбу мою, не может изобразиться. Имя сына моего, Николай от роду ему пять лет. Позволение сшить ему Пажецкий мундир очень для меня лестно. Прилагая просительное письмо к Его Императорскому Величеству не-

сомненно надеюсь, что ваше Сиятельство, не откажетесь употребить ходатайство Ваше на то чтобы оно удостоилось всемилостивейшаго воззрения Того, Кому угодно было изъявить сожаление что я вместе с другими не воспользовалась щастием видеть Его»³.

В приложенном письме к императору с объявлялось о намерении вдовы соорудить храм не месте гибели мужа. В первых строках, однако ж, содержались слова благодарности: «Позвольте повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества благодарность мою за принятие сына моего в Ваше Монаршеское покровительство»⁴. Отпрыски дворянских родов принимались и поступали в Пажеский корпус по Высочайшим Его Императорского Величества повелениям⁵.

Пажеский Его Императорского Величества корпус учрежден был Высочайшим Указом от 10 октября 1802 г. Это было привилегированное военное учебное заведение, имеющее целью доставить сыновьям заслуженных родителей общее и военное образование, а также соответствующее воспитание. Николай Тучков, как сын «убитого в бою генерал-майора», имел шанс оказаться в рядах кадетов. И тем более он имел право стать пажом, как внук инженер-генерала, действительного тайного советника Алексея Васильевича Тучкова, чиновника 2 класса по Табели о рангах.

Право на зачисление в пажи было предоставлено сыновьям и внукам: военных и гражданских чиновников первых трех классов (согласно Табели о рангах); лиц занимавших должность генерал-губернаторов, посланников, губернских предводителей дворянства, генерал-майоров, убитых в боях или прослуживших в этом чине не менее пяти лет; наконец, правнукам лиц первых двух классов, носящих фамилию своих прадедов.

Программа обучения включала русский, французский и немецкий языки, чистописание, географию, российскую, европейскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, тригонометрию, физику, рисование, Закон Божий, фортификацию, артиллерию, историю дипломатических и политических отношений между государствами. В начале XIX века в Пажеском корпусе было четыре класса, в первом классе военных дисциплин не было, во втором пажи начинали изучать полевую фортификацию, в третьем появлялась артиллерия, а в четвертом – долговременная фортификация.

Началу обучения по программе, то есть непосредственно в корпусе, предшествовало домашнее образование до достижения нужного возраста. Как это происходило в случае с Николаем Тучковым, который по архивным данным оказался в списке пажей 22 октября 1816 года?⁶

Если мы обратимся к литературным источникам, то обнаружим там противоречивые и даже взаимоисключающие сведения. Приведем некоторые из них.

– Тучкова отправилась в город Дерпт, где ее сын был зачислен в престижный Дерптский университет, и стал самым молодым студентом за всю его историю. Под тщательным наблюдением матери он проучился в нем три года.

– Будучи «в пеленах» записанным в пажеский корпус, «он находился при своей матери по причине слишком тонкого и слабого своего сложения».

– Николай Тучков обучался в Пажеском корпусе, отправляясь туда каждый год для сдачи экзаменов, которые выдерживал успешно. Мать всегда сопровождала его.

– Николай Тучков, будучи зачислен в лучшее учебное военное заведение, дома бывал лишь на каникулах⁷.

Один из авторов, ссылаясь на семейные предания, сообщает следующее: «Он был записан в Пажеский корпус, но по слабости здоровья жил при матери. Но ему следовало выдержать довольно трудные экзамены, и, чтобы подготовиться к ним окончательно, он должен был провести несколько месяцев в корпусе. Тогда Маргарита Михайловна переехала на время в Петербург, где она сама и мадам Бувье могли часто (!) навещать свое сокровище»⁸.

Но обратимся к архивным источникам.

Вначале о Дерптском университете. Да, Тучкова с сыном с 1820 по 1824 г. наездами, менее и более продолжительными, бывала в Дерпте. В Эстонском историческом архиве в фонде Дерптского казначейства (Tartu rentei, ЕАА.529) имеются четыре записи о выдаче подорожных за 1820–1824 гг. комиссионерам генеральши Тучковой и ей самой⁹.

А вот в списках студентов университета фамилия Тучков отсутствует. Однако есть основания предполагать, что Маргарита Михайловна приглашала для занятий с сыном студентов университета. На это предположение натолкнула метрическая запись Дерптской Успенской церкви: «27 апреля 1824 года. Генеральши Маргариты Тучковой у крепостного человека Федора Иванова с женой его Елизаветою Ивановой родилась дочь. Ей же имя наречено Маргарита. Крещена 5 мая. Восприемниками были: Дерптского университета студент Иосиф Л<ёвнхайн> и означенная Генеральша Маргарита Тучкова»¹⁰.

В «Академическом альбоме Императорского Дерптского университета» (ALBUM AKADEMICUM DER KAISERLICHEN UNIVERSITAT DORPAT) имеется информация о студенте-медики Генрихе Лёвенхайне (Heinr. Löwenhayn) 1800 г.р., обучавшемся в 1821–1824 гг. И этот, и другие студенты могли преподавать молодому Тучкову разные науки, необходимые для дальнейшего обучения в Пажеском корпусе.

Теперь собственно о Пажеском корпусе. Вспомним письмо Аракчеева: «Представить его в корпус зависеть будет от вас, когда достигнет он возраста, в который там должно продолжать науки». Для того, чтобы однажды зачисленный в корпус паж начал обучение по программе, родителям или опекунам нужно было подать в корпус прошение, к которому прилагались свидетельства о рождении, крещении и подтверждение медика о прививке натуральной (коровьей) оспы. Также, если кадет поступал не на казенный счет, обязательство вносить на его содержание 600 рублей ежегодно в январе.

Прошения можно было подавать в течение года, но зачисление происходило весной на открывшиеся вакансии после выпуска пажей и камер-пажей в офицеры. Их занимали согласно времени подачи прошения. То есть определения на обучение можно было ждать не один год. Например, из рапорта директора корпуса генерал-лейтенанта Гогеля 1-го поданного 9 апреля 1825 г., узнаем, что «по совершении производства в офицеры Высочайше к тому удостоенных камер-пажей и пажей, в Пажеском Его Императорского Величества корпусе в число назначенных к содержанию в корпус по вместимости дома, корпусом занимаемого, 165 воспитанников, откроются 14 вакансий ... К замещению сих вакансий осталось из числа тех, о коих в 1823 г. были поданы прошения, еще не помещенными в корпус 19 пажей, да вновь поданы просьбы о 26 пажах...»¹¹

Приведем в качестве примера, прошение вдовы действительного камергера 4-го класса Марьи Свистуновой от 10 ноября 1819 г. «Желая доставить приличное благородному юношеству воспитание и обучение сыну моему, определенному по Высочайшему указу 1818 года февраля 23 дня в оный корпус в пажи, коему ныне от роду 16 лет, покорнейше прошу о принятии его в пансионеры в число пажей: а в удостоверение о возрасте его и о крещении прилагаю при сем засвидетельствованное показание, равно и в том, что оспа на нем была коровья: на содержание же его обязуюсь вносить следующую сумму по шести сот рублей ежегодно в начале генваря месяца каждого года»¹².

В Российском Государственном военно-историческом архиве, где имеется фонд Пажееского корпуса, подобного прошения от генеральши Тучковой обнаружить не удалось. Были просмотрены архивные дела за 1824, 1825 и 1826 годы.

В списках пажей, состоящих у родственников на воспитании, за 1818 и 1819 годы, Николай Тучков, (сын) покойного генерал-лейтенанта (?), состоящий в корпусе с 22 октября 1816 года, показан соответственно под №№ 96 и 116.¹³ В эти годы Николай был еще мал, чтобы думать о помещении его в корпус, а вот по достижении им хотя бы двенадцати-тринадцатилетнего возраста пора было начинать хлопоты по сбору необходимых документов. И первое, что надо было сделать, получить метрическое свидетельство о рождении и крещении. Пожалуй, это было не так просто. Третий сын Тучковых Николай родился «на походе» и потому крещен мог быть либо в походной церкви Ревельского пехотного полка, либо в каком-либо православном храме в Лифляндии, например, в Вильне, в Свято-Духовом мужском монастыре – в то время единственной православной обители там. Не потому ли 2 апреля 1823 г. комиссионеру госпожи генеральши Маргариты Михайловны Тучковой Евграфу Дубровскому в Дерптском казначействе была выдана подорожная в Вильну и обратно. Архивного подтверждения этому предположению обнаружить не удалось. В Государственном архиве Литвы в фонде 605 «Виленская православная духовная консистория» хранятся метрические книги Свято-Духова монастыря только за 1839 г.

Предположим все же, метрика была добыта. Но здоровье сына внушало Маргарите Михайловне опасения. Выручала близость балтийского побережья с целительным морским воздухом, который сыну рекомендовали доктора.

Из Записок Д.Н. Свербеева узнаем, что лето 1822 г. Тучкова с сыном проводила в Екатеринентале под Ревелем, где он брал морские ванны¹⁴. По-видимому, так было и в 1823-м, и в 1824-м. 26 мая 1824 г. Маргарита Михайловна, возвращаясь из Дерпта, в письме к Анне Ивановне Коновницыной сообщала о сыне, «здоровье которого, слава Богу, улучшилось. Морские купанья пошли ему на пользу, и я надеюсь, – писала Тучкова, – что теперь у меня не будет тех же оснований для беспокойства, что прежде»¹⁵.

В 1825–1826 гг. Тучкова обосновалась в Москве. Она снимала жилье в Огородной слободе на Заборовском архиерейском подворье Чудова монастыря, в приходе церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках.

Было ли подано прошение в корпус? В архивных делах за 1824, 1825 и 1826 гг., как уже говорилось, оно не обнаружено. Может быть потому, что дело оставалось за малым – привить коровью оспу.

16 октября 1826 г. Николая Тучкова не стало. Вспоминаются подробности, с которыми авторы описывали его смерть. Это и легкое недомогание, и консилиум лучших московских врачей, и их уверения, что никакой опасности нет. И вдруг «скоропостижная смерть» ... В метрической книге церкви Харитона Исповедника причиной смерти Его Императорского Величества пажа Николая Александровича Тучкова указана простуда. А Александр Яковлевич Булгаков 8 октября, более чем за неделю до смерти, писал: «... умирает гнилою горячкой единственный сын Тучковой, мальчик прекрасный, 15 лет, которого она обожала ...»¹⁶.

Страшная мысль/догадка пришла в голову: А что, если причиной смерти стала коровья оспа, а точнее ее вакцинация, которую инициировала сама Тучкова. И следом за ней вопрос: случались ли летальные исходы при вакцинации?

В XVIII в. от натуральной оспы в России умирал каждый седьмой ребенок. В конце XVIII в. вариоляции (метод активной иммунизации против натуральной оспы введением содержимого оспенных пузырьков здоровым людям) подлежали все поступающие в кадетские корпуса, если они до того не перенесли натуральной оспы. Сергей Николаевич Глинка, заметим, друг Тучкова 4-го, и тогдашний кадет, описывал это в своих воспоминаниях: «В корпусе был учрежден оспенный зал. Хотя у меня еще дома была сильная оспа, но она не оставила никаких следов, а потому в числе 80 кадет поместили туда и меня, тут же был и десятилетний товарищ мой Головня. По привитии оспы он слег. Видя его страдание, я придвинул свою кровать к его кровати и в полноте здоровья и усердия ухаживал за ним; бросал игры и игрушки, когда он кликал меня голосом слабым и унылым. На руках моих он испускал последнее дыхание...»¹⁷

Привитые по-разному переносили вакцинацию. Вот свидетельство или «Аттестат о прививке», подписанный 14 декабря 1822 г. Иваном Геннигеном, доктором и коллежским советником при кабинете Его Императорского Величества, и приложенный к прошению о помещении в корпус: «... свидетельствую, ... что я прививал оспу Густаву Егорову сыну Дризена, что он ее щастливо перенес, и теперь находится в совершенном здравии»¹⁸.

Есть и такие формулировки: «...коровья оспа привита и надлежащее действие свое имела»¹⁹.

В деле «По рапорту штаб-лекаря Клейнеке об осмотре поступивших в 1824 г. в корпус пажей в положении здоровья» присутствуют отметки: «здоровы и имеют знаки от привитой оспы»; а также (о двух пажах): здоровы и оспу им прививал штаб-лекарь Энкенберх, но без всякой пользы»²⁰.

Как видим, благополучный исход после вакцинации зависел от нескольких факторов: от опыта и умения медика, от чистоты и дозы так называемой живой вакцины, взятой у больного животного, и от состояния здоровья прививаемого. Какой из этих факторов мог стать роковым для Николая Тучкова? Или роковой была совокупность всех их, повлекшая за собой заражение оспой и осложнение в виде сепсиса (общего заражения крови). Сепсис в переводе с греческого «гниение», как правило, он сопровождается высокой температурой, и это ли не «гнилая горячка»? По крайней мере, современные медики, которым задавался вопрос: какое заболевание в XIX веке могло называться «гнилой горячкой», первым делом называли сепсис. Клиническое течение сепсиса может быть молниеносным (бурное развитие проявлений в течение 1–2 суток) и тогда можно объяснить, почему консилиум лучших московских врачей его «просмотрел». А может быть и острым (до 5–7 суток), такое течение болезни и описал Булгаков: «... умирает гнилою горячкой единственный сын Тучковой, мальчик прекрасный, 15 лет, которого она обожала...»

Рассуждать о состоянии матери, теряющей ребенка, к которому, вполне здоровому, она сама пригласила врача с вакциной, не хватает духу. Об этом тоже написал Булгаков: «... У нее самой начинается белая горячка: она бегает в рубашке по всему дому, кричит, требует помощи. Бедная, несчастная мать».

С дозволения начальства Тучкова сама привезла гроб, вмещавший драгоценные останки сына, облаченного в пажеский мундир, из Москвы к устроенной ею церкви на Бородинском поле.

Св. Иоанн Златоуст говорит: «нет горести более, когда мать-вдова лишается единственного сына». Войдя с гробом, который сама несла в Церковь, произнесла: «Се Аз, Господи, и чадо, еже ми дал еси»²¹. С.Н. Глинка «сопровождал Маргариту Михайловну на Бородинское поле для отдания последнего долга юноше»²². По непостижимому совпадению погребение Николая Тучкова произошло 22 октября 1826 г., спустя ровно десять лет, день в день, как последовало Высочайшее повеление об определении его в Пажеский корпус.

Тучкова не сообщила в корпус о смерти сына, как это делали другие родители. Например, отец умершего пажа Граве из г. Черкасы Киевской губернии 27 января 1827 г. оповестил директора корпуса: «Я совершенно было приготовил к отправлению в корпус сына моего Ростислава, которого воспитание надеялся усовершенствовать под руководством Вашего Превосходительства, но Бог судил иначе и к неутешной горести моей отозвал его от сей жизни к вечной. Он скончался после кратковременной болезни 9 генваря сего года...»²³ Через месяц умерший паж был исключен из списка.

Фамилия же Николая Александровича Тучкова продолжала оставаться включенной в список из 320 фамилий пажей, состоящих у родственников на воспитании по декабрь 1826 г.²⁴

Также и в составленном 1 января 1828 г. «Алфавитном списке камер-пажам и пажам, состоящим на воспитании в Пажеском корпусе, равно и тех, которые воспитываются у родственников» имя Николая Тучкова, сына покойного генерал-лейтенанта (?) присутствует без каких-либо примечаний. Но когда-то кем-то оно все ж было перечеркнуто красным карандашом²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский Государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2396. Л. 3.

² Там же. Л. 3–3об.

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2396. Л. 5–6.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 475. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 354 (1818 г.), 373 (1819 г.)

⁷ Шахова Е.Н. Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной). СПб., 1865. С. 18; НВА ГБВИМЗ. Оп. 6. Д. 138. Л. 14 // Кардо-Сысоев Ф.Н. Жизнь Маргариты Михайловны Тучковой (Биографический очерк). М., 1967.

⁸ Толычева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1874. С. 20–21.

⁹ Эстонский исторический архив: ЕАА.529.1.4796. Л. 4, 7. ЕАА.529.1.477. Л. 13, 20. Оригиналы на нем. яз.

¹⁰ Эстонский исторический архив: ЕАА 1979.1.426. (1819–1827 гг.).

¹¹ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 561. Л. 24.

¹² Там же. Д. 366. Л. 45.

¹³ Там же. Д. 354 (1818 г.), 373 (1819 г.)

¹⁴ Записки Д.Н. Свербеева (1799–1826). М., 1899. Т. I. С. 318–320.

¹⁵ *Нарышкин А.К.* Письма Маргариты Михайловны Тучковой к графине Анне Ивановне Коновницыной (1824–1825 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.) М., Полиграф сервис, 2006. С. 81.

¹⁶ Из письма А.Я. Булгакова к брату. Российский Архив. Кн. 2. М., 1901. С. 407.

¹⁷ *Глинка С.Н.* Записки. М., Захаров, 2004. С. 52.

¹⁸ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 555. Л. 21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 578.

²¹ РГАЛИ. Ф. 498. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 1об.

²² Из записок Сергея Николаевича Глинки. // Русский вестник, выпуски 7–8. 1865. – С. 214.

²³ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 675. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 3915. Л. 12об.

²⁵ Там же. Д. 673. Л. 29.